

Иеромонах Андрей (Коротков)

Исповеднический подвиг архимандрита Иоанна (Крестьянкина) по материалам следственного дела Центрального архива ФСБ России

УДК 271.2-726.25-9+94(47)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_378
EDN EAMZGR

Аннотация: В начале 1950-х гг. после некоторого затишья давление на Церковь со стороны властей вновь начало усиливаться. Это выразалось прежде всего в череде арестов и ссылок духовенства. Активная пастырская деятельность нередко приравнивалась к антисоветской пропаганде. И хотя гонения имели менее интенсивный и злобещий характер, чем в 20–30-е гг., многие священнослужители того времени явили пример верности Христу и засвидетельствовали ее через твердое несение исповеднического креста. Одним из таковых был будущий все-российский старец архим. Иоанн (Крестьянкин). Практически пять лет он провел в заключении, не предав своих собратьев и сослужителей и не отрекшись от проповеди православной веры. Об этом свидетельствуют архивные материалы Центрального архива ФСБ России, которые лишь недавно стали доступны для изучения. В данной статье впервые рассмотрено следственное дело архим. Иоанна (Крестьянкина): обозначены главные обвинения, предъявленные священнослужителю, его ответы и обоснование пастырской деятельности, свидетельствующие о честности перед Церковью. Изучение архивных материалов следствия позволит дополнить картину обозначенного периода жизни старца, о котором известно в основном из воспоминаний самого о. Иоанна. Помимо этого, изучение следственных дел священнослужителей способно сформировать более точную характеристику религиозной политики СССР и церковной жизни того времени.

Ключевые слова: архимандрит Иоанн (Крестьянкин), следственное дело, следственный процесс, архивные материалы, арест, репрессии, эпоха гонений.

Об авторе: **Иеромонах Андрей (Коротков Егор Юрьевич)**

Первый проректор Псково-Печерской духовной семинарии, аспирант Сретенской духовной академии.

E-mail: korotkov-egorr@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0059-1993>

Ссылка на статью: Андрей (Коротков), иером. Исповеднический подвиг архимандрита Иоанна (Крестьянкина) в свете материалов следственного дела Центрального архива ФСБ России // Христианское чтение. 2023. № 3. С. 378–386.

Статья поступила в редакцию 13.03.2023; одобрена после рецензирования 19.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2023

Hieromonk Andrey (Korotkov)

The Confessional Feat of Archimandrite John (Krestyankin)
in the Light of the Materials of the Investigative Case
of the Central Archive of Federal Security Service
of the Russian Federation

UDK 271.2-726.25-9+94(47)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_3_378
EDN EAMZGR

Abstract: In the early 50s of the XX century, after some lull, the pressure on the Church from the authorities began to increase again. This was expressed primarily in a series of arrests and exiles of the clergy. Active pastoral activity was often equated with anti-Soviet propaganda. And although the persecution was less intense and sinister than in the 20s and 30s, many clergymen of that time showed an example of loyalty to Christ and testified to it through the firm bearing of the confessional cross. One of these was the future All-Russian Elder – Archimandrite John (Krestyankin). He spent almost five years in prison without betraying his fellow ministers and without renouncing the preaching of the Orthodox faith. This is evidenced by archival materials of the Central Archive of the FSB of Russia, which only recently became available for study. In this article, the investigative case of Archimandrite John (Krestyankin) is considered for the first time: the main charges brought against the clergyman, his answers and the justification of pastoral activity, testifying to honesty before the Church, are outlined. The study of archival materials of the investigation will complement the picture of the designated period of the elder's life, which is known mainly from the memoirs of Fr. John. In addition, the study of the investigative cases of the clergy of that time is able to form a more accurate description of the religious policy of the USSR and the church life of that time.

Keywords: Archimandrite John (Krestyankin), investigative case, investigative process, archival materials, arrest, repression, the era of persecution.

About the author: **Hieromonk Andrey (Korotkov Egor Yurievich)**

The First Vice-Rector of the Pskov-Pechersk Theological Seminary, a Graduate Student at the Sretensky Theological Academy.

E-mail: korotkov-egorr@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0059-1993>

For citation: Andrey (Korotkov), hierom. The Confessional Feat of Archimandrite John (Krestyankin) in the Light of the Materials of the Investigative Case of the Central Archive of Federal Security Service of the Russian Federation. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 3, pp. 378–386.

The article was submitted 13.03.2023; approved after reviewing 19.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.

Во время Великой Отечественной войны в СССР происходят изменения в церковно-государственных отношениях. Церкви дается больше прав и возможностей, в том числе в деле воспитания будущих священнослужителей, в пастырской и общественной деятельности. Наивысшей фазой такой расстановки сил исследователи называют 1945–1946 гг., поскольку государство было заинтересовано в укреплении положения Русской Церкви на мировой арене [Шкаровский, 2000, 332]. Через внешние церковные связи власти надеялись воздействовать на православные европейские страны [Васильева, 2001, 108]. Именно в обозначенный период вопросы открытия новых храмов решались быстрее, чем в военные годы — после избрания патриархом митр. Сергия (Страгородского), хотя многие ходатайства и просьбы оставались без внимания (см.: [Шкаровский, 2000, 332–333]).

Начиная с 1947 г. политика государства по отношению к Русской Церкви начинает меняться. Окончательное охлаждение происходит в 1948 г. О. Ю. Васильева пишет: «Интерес государства к Церкви как инструменту для проведения своей внешней политики падает к концу 1948 г. Это было связано с тем, что СССР становится атомной державой... и с тем, что появились новые средства воздействия на страны Восточной Европы» [Васильева, 2001, 207].

Не могло не настораживать власть и возрастающее влияние Русской Церкви на общество, накладывающееся на укрепленные «в годы войны духовные силы: национального, личностного самосознания, религиозного жизнеощущения» [Шкаровский, 2000, 342].

В результате был принят ряд решений по ограничению свободы совести, которые коснулись и жизни Церкви: запрещение на религиозное воспитание детей в Церкви, на проведение крестных ходов, совершение молебнов и иных богослужебных последований вне стен прихода. К тому же в самом партийном аппарате было значительное число тех, кто стремился вернуться к антирелигиозной политике довоенного времени (см.: [Шкаровский, 2000, 343–345]).

На этом фоне в конце 1940-х гг. вновь начались репрессии по отношению к священнослужителям — за добросовестное исполнение пастырского долга и горячую проповедь, которые расценивались как антисоветская деятельность. Так, лишь за год с 1 июня 1947 по 1 июня 1948 г. было арестовано 679 священнослужителей [Оценка статистики гонений].

Одним из тех, кто попал под эту волну гонений, был молодой священник Иоанн Крестьянкин (1910–2006), спустя десятилетия ставший всероссийским старцем.

Его следственное дело № 3705 (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. 118 л.) полностью стало доступно для изучения лишь в 2022 г. Отдельные фрагменты из него были опубликованы на портале pravoslavie.ru в преддверии 17-й годовщины со дня кончины старца [Следственное дело архим. Иоанна (Крестьянкина). Ч. 1, 2]. Некоторые сведения уже приводились исследователями, но зачастую с фактическими ошибками (см.: [Бондаренко, 2019, 152–188]).

Между тем изучение означенного материала позволяет дать дополнительную характеристику церковно-государственным отношениям кон. 1940-х — нач. 1950-х гг., главным обвинениям, предъявляемым арестованным представителям духовенства, и осветить данный период жизни будущего старца.

В архивном деле 118 листов. Перечень содержащихся в нем материалов таков: 1) постановление на арест; 2) постановление об избрании меры пресечения; 3) ордер на арест; 4) анкета арестованного; 5) пакет с фотокарточками; 6) протокол обыска; 7) опись имущества, на которое наложен арест; 8) акт о наложении ареста на имущество; 9) протокол об изъятии денег; 10) квитанция на сданные документы, вещи и деньги; 11) рапорт оперуполномоченного; 12) постановление о предъявлении обвинения; 13) десять протоколов допросов о. Иоанна; 14) четыре протокола допросов свидетелей; 15) два протокола очных ставок; 16) два постановления о продлении срока следствия; 17) постановление об определении материалов обыска; 18) постановление о приобщении вещественных доказательств; 19) протокол об окончании следствия;

20) справка о состоянии здоровья; 21) обвинительное заключение; 22) постановление о направлении в лагерь; 23) пакет с вещественными доказательствами; 24) выписка из протокола Особого Совещания при МГБ СССР; 25) уведомление об этапировании в лагерь; 26) отношение в Центральную комиссию по пересмотру уголовных дел и УАО КГБ при Совете Министров СССР; 27) заявление Т. М. Крестьянкиной (сестры о. Иоанна) генеральному прокурору СССР; 28) характеристики с семи светских мест работы священнослужителя; 29) заключение Прокуратуры СССР относительно ходатайства Т. М. Крестьянкиной; 30) выписка из протокола заседания Центральной комиссии по пересмотру дел на лиц, осужденных за контрреволюционную деятельность; 31) заключение о реабилитации архим. Иоанна.

По ряду свидетельств и личных воспоминаний будущего старца после священнической хиротонии в 1945 г. о. Иоанн вел активную пастырскую деятельность, заключающуюся не только в совершении богослужений, но и в проповедовании и духовном окормлении прихожан. Ввиду молодого возраста священнослужитель пользовался большой популярностью среди молодежи. Многие старшие школьники и студенты приняли от него таинство Крещения и встали на путь христианской жизни.

Все это не могло остаться без внимания со стороны государственных силовых структур, и 29 апреля 1950 г. священ. Иоанн Крестьянкин был арестован у себя дома (Большой Козихинский пер., д. 26, кв. 1) (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 5–6). Стоит отметить, что в ряде публикаций датой ареста указывается ночь на 30 апреля [Правдолюбов, 2010, 414; Смирнова, 2006, 130], но во всех документах следственного дела, в том числе и в протоколе первого допроса, стоит 29 апреля 1950 г. (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 18).

Постановление на задержание было подготовлено 24 апреля, а утверждено вышестоящим руководством 27 и 28 апреля (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 1–2). В нем о. Иоанн обвинялся в антисоветской деятельности. «Выдавая себя за „прозорливого“ и „исцелителя“ КРЕСТЬЯНКИН группирует верующих и особенно молодежь, которых обрабатывает в реакционном направлении, разжигая в них религиозный фанатизм», — говорится в документе (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 1–2).

Безусловно, за деятельностью священнослужителя осуществлялся контроль еще до ареста. Об этом свидетельствуют материалы дела, содержащие протоколы допросов так называемых свидетелей, состоявшиеся еще до ареста будущего старца: одного знакомого о. Иоанна — 29 мая 1949 г. (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 61–64); священника и певчей Измайловского храма — 19 апреля 1950 г., и диакона этого храма — 20 апреля 1950 г. (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 65–73).

Из-за ареста 29 апреля 1950 г. священ. Иоанн не смог окончить Московскую духовную академию. Примечательно, что на одном из последних допросов он просил дать ему возможность завершить обучение, а после удалиться в Почаевскую лавру (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 54).

Сразу же после задержания был произведен обыск. Опись имущества, на которое был наложен арест, свидетельствует о скромном образе жизни будущего старца. Необходимые для существования бытовые предметы (кровать, матрас, подушки, стол, чашки и т.д.) описаны в минимальном количестве. Единственной ценностью были церковные старинные книги, которых следователи насчитали 347 штук (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 9 об.). Помимо этого при задержании было изъято 31 письмо на 323 листах, учебные конспекты по дисциплинам Московской духовной академии (17 папок), 27 фотографий, личные документы, четыре записные книжки (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 8). В документах следствия обозначено, что в последних были некоторые заметки о духовенстве, но для государственных органов они не представляли никакого интереса (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 85–86). Исходя из этого можно предположить, что в них содержались дневниковые воспоминания. К сожалению, согласно постановлению от 7 августа 1950 г. тремя днями позднее они были сожжены (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 85–86).

При описании обыска В. В. Бондаренко также делает неточное заявление: «Квитанций на изъятые вещи и деньги в следственном деле нет» [Бондаренко, 2019, 152]. В следственное же дело вшиты квитанция о принятии от арестованного паспорта (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 12) и квитанция на ремень, два креста (видимо, нательный и священнический), пояс и лупу (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 13).

При аресте в гостях у о. Иоанна был его земляк, диак. Владимир Родин, живший в соседнем доме и служивший на Антиохийском подворье, по окончании обыска он был отпущен (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 16). Самого же священника доставили во внутреннюю тюрьму МГБ СССР на Лубянке (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 95).

На первом допросе в день ареста у о. Иоанна спросили о настоятеле, клириках его храма, а также одной певчей хора. Следователем был капитан МГБ СССР Иван Михайлович Жулидов, о чем свидетельствуют архив и сам о. Иоанн (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 20); [Смирнова, 2006, 135–136]. Относительно каждого задержанный рассказал лишь то, что знал: сан, примерное место проживания, возраст, семейное положение (о певчей лишь то, что она трудилась на клиросе в Христорождественском храме). При этом ничего отрицательного в их адрес им сообщено не было: «Мои взаимоотношения с [...] были вполне нормальные, жили мы между собой дружно, ссор никогда не имели» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 19). На вопрос об антисоветской деятельности священнослужитель ответил отрицательно, подчеркнув, что не совершал каких-либо преступных и противозаконных действий (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 20).

Второй допрос состоялся 5 мая и продолжался более четырех часов — с 22:30 до 02:55. На нем следователь пытался получить от о. Иоанна признания в агитации против коммунистического строя, но ответ священнослужителя был тем же: «Я и сегодня ничего не могу показать о совершенных мною преступлениях, т. к. в своих действиях и поступках никогда не усматривал ничего преступного» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 21). Представитель силовых структур говорил о наличии ряда показаний, согласно которым свои антисоветские мысли будущий старец высказывал непосредственно во время богослужений и совершения треб (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 22), что является характерным для того времени. Многие священнослужители и верующие обвинялись именно на основании подобных голословных заявлений.

На данном допросе о. Иоанн произнес важные слова, которые свидетельствуют о его благоволенном отношении к таинству Священства: «В мое сознание никогда не входила мысль, чтобы сан священника использовать для проведения антисоветской агитации» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 22–23). Действительно, благодать священства подразумевает духовное окормление людей и заботу об их богопознании. При этом отцы Церкви всегда подчеркивали недопустимость насильственного подчинения паствы для достижения личных выгод или интересов (см.: (Иоанн Златоуст, 1991, 415)). Несмотря на слова будущего подвижника, в официальных бумагах продолжали указывать, что он признает вину использования священнического сана для воздействия на умы прихожан (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 24).

Первые три допроса состоялись 29 апреля, 5 и 12 мая. Следующий же раз о. Иоанна вызвали лишь 4 июля 1950 г. Вероятнее всего, это был психологический ход. Следователь полагал, что почти двухмесячный перерыв склонит священнослужителя к сотрудничеству и сломает его, но произошло обратное. «То, что по мнению неверующего ума должно было истощить силы заключенного страхом пред будущим, для батюшки послужило укреплением и подготовкой к дальнейшему этапу жизни», — отмечает Т. С. Смирнова [Смирнова, 2006, 133]. При этом начиная с 4 июля протоколы отражают более жесткий характер бесед и настойчивости следователя.

Многие допросы, как и второй, проходили по ночам по несколько часов. По воспоминаниям одной из духовных чад, Л. Круглик, о. Иоанн рассказывал: «Накануне

давали есть селедку, пить же не давали. И вот ночью следователь демонстративно наливает воду из графина в стакан, а томимый жаждой подследственный стоит перед ним без воды и без сна» [Полюбите любовь, 2015, 85]. Применяли и физическую силу, следователь, курирующий о. Иоанна, ломал ему пальцы (см.: [Бондаренко, 2019, 161]). Держали его в одиночной камере, что тоже является серьезным испытанием для любого человека (см.: [Смирнова, 2006, 136]).

Из одного протокола видно, что следователь предпринял попытку исказить слова арестанта, приписав ему признание в антисоветских высказываниях во время проповеди. Но, видимо, при ознакомлении с протоколом о. Иоанн указал на несправедливость обозначенного фрагмента, зачеркнув подпись ознакомления. После чего формулировка «по своему содержанию носили антисоветский характер» (речь идет о высказываниях на проповеди) была перечеркнута, а внизу листа добавлена строка: «Справка: зачеркнутое не читать», под которой и подписался батюшка (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 26).

Нечто подобное можно отметить и в последующих протоколах (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 28). Показательно, что будущий всероссийский старец не назвал ни одной фамилии и не дал никаких сведений, которые могли бы кому-то навредить.

Следует отметить: текст, содержащийся в протоколах, свидетельствует об отсутствии дословного фиксирования слов о. Иоанна уполномоченным лицом. В большинстве своем протоколы допросов содержат идеологические клише и формулировки того времени и свидетельствуют об отсутствии знания церковной жизни, ее реалий. Например, в них встречаются выражения: «религиозный обряд», «праздник Божией Матери», «фанатизм» и т. д. (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 26, 31 и др.).

Все обвинения в отношении о. Иоанна сводились к тому, что он активно занимался просветительской деятельностью среди молодежи. Однако обличения в антисоветской настроенности и агитации зиждились на извращенных показаниях так называемых свидетелей. Например, один из них, заметив, что не общался со священнослужителем на политические темы, предполагал: «Если КРЕСТЬЯНКИН считает своим духовным руководителем епископа Серафима ОСТРОУМОВА, восхищается им до настоящего времени, который был известен своими крайними реакционными взглядами, можно предполагать, что лояльность его советскому строю крайне сомнительна» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 63).

Помимо этого, в вину о. Иоанну вменялись призывы к непосещению кинотеатров и клубов, невступлению в пионерию и комсомол (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 26–27). Отец Иоанн не отрицал этого и связывал напрямую с нравственностью. Вовлеченности в работу указанных организаций, по его мнению, может препятствовать религиозному воспитанию ввиду их атеистической идеологии. На одном из допросов священник сказал: «Я доказывал верующим, что воспитание детей является их родительской обязанностью и очень серьезным делом... Если родители хотят своих детей воспитать в религиозном направлении, советовал я, то вся работа с детства должна быть подчинена только этому направлению, детей надо приобщать к религии, к церкви» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 40).

Некоторые свидетели — клирики и певчая прихода — подтверждали наличие открытых антисоветских лозунгов в проповедях священнослужителя. Так, певчая храма рассказала, что летом 1949 г. о. Иоанн говорил о пережитых Церковью гонениях и, вспоминая слова Спасителя «На сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18), указывал на их исполнение: «Но Церковь Православную не удалось закрыть тому, кто это хотел (под этим Крестьянкин подразумевал советскую власть). Церковь наша восторжествовала... Она живет и будет жить» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 66–66 об.).

Все показания данной свидетельницы сводились к тому, что о. Иоанн говорил о безбожии, падении нравов, притеснении верующих. Сам священнослужитель этого не отрицал, подчеркивая: «Я утверждал, что в настоящее время среди граждан... имеет место глубокое падение нравов... у нас больше нет святой семьи, поругано

и обещено таинство брака... Прочтается предательство, алчность, гордость, убийство всех видов» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 35).

В материале дела подчеркнут фрагмент, где со слов певчей приводится цитата батюшки относительно Великой Отечественной войны, когда находились люди, пользовавшиеся тяжелым положением жителей Москвы и завышавшие цены на продукты (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 67). Об обозначенном факте у о. Иоанна спрашивали в дальнейшем на одном из допросов (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 47–48). Он показал, что упоминал это в контексте притчи о блудном сыне, наставляя верующих в уважительном отношении к окружающим. «Я призывал верующих к тому, — говорится в показании будущего архимандрита, — чтобы они не уподоблялись тем богатым людям, которые поставили „блудного сына“ в положение животного. И здесь же рассказал, что надо признать, что среди верующих христиан есть нехорошие люди, которые в тяжелые годы военного времени, когда народ отдавал все свое последнее на нужды войны, имея запасы продуктов, продавали их по высоким ценам... и наживались... на народной нужде» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 48).

Примерно такие же показания против о. Иоанна были даны священником и диаконом Христорожественского храма в Измайлово (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 69, 72–73). При этом первый указывал на странное поведение своего собрата во время богослужений: чтение молитв с особой интонацией, поднятие рук и т. д. По его мнению, будущий старец стремился себя выдать за целителя, прозорливца и занимался отчитками (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 70).

Из сведений, представленных в документе, следует, что допрошенный священнослужитель не разделял подобных действий о. Иоанна и относился к ним скептически. Кроме того, в отличие от других допрошенных, он изложил некоторую информацию с точными сведениями (именем и адресом), которая могла навредить и будущему архимандриту, и иным лицам (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 70 об.).

Попытки следствия и предавших о. Иоанна клириков приписать ему прелесть тоже являются необоснованным. Уже будучи архимандритом, он всячески не принимал в свой адрес обращения «старец» и говорил в ответ: «Какие старцы?! Мы в лучшем случае опытные старички» [Тихон Шевкунов, 2019, 40].

Иными словами, суть показаний всех троих «свидетелей» сводилась к содержанию нескольких проповедей (в неделю о блудном сыне и Прощеное воскресенье) и уважительном отношении к о. Иоанну со стороны прихожан.

31 июля и 1 августа 1950 г. состоялись две очные ставки с одним из клириков и певчей храма. Согласно протоколу, свидетели дали показания, повторив сказанное на допросах 19 апреля. Обвиняемому была предоставлена возможность обозначить свою позицию. Он повторил то, что уже неоднократно озвучивал на допросах, допустил возможность наличия в проповедях каких-то высказываний, которые верующие могли бы расценить как антисоветские. Отец Иоанн не отрицал своего искреннего исполнения пастырского долга, стремления обратить в православную веру приходящих к нему (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 76, 79).

Об этом о. Иоанн вспоминал неоднократно и, конечно же, не так сухо, как в официальных протоколах. Множество его чад сохранили в памяти историю о встрече с предавшим его собратом по священному сану. Когда последний зашел, о. Иоанн бросился к нему и по тогдашней церковной традиции три раза поцеловал его в щеки. И сделал он это без какой-либо злости или обиды, что вызвало немалое удивление у следователя и самого предателя, упавшего от неожиданности ситуации в обморок (см.: [Тихон Шевкунов, 2019, 60–61; Смирнова, 2006, 132; Бондаренко, 2019, 158 и др.]).

Принято считать, что пришедший на очную ставку был настоятелем храма, но, исходя из материалов дела, в действительности на ней присутствовал его клирик (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 74).

Отец Иоанн не имел озлобленности на служителей алтаря, оказавшихся предателями. Еще находясь в заключении, он направил записку прихожанам Измайловского храма, в которой говорил об отсутствии у него обиды и призывал не оставлять

верующих родного прихода (см.: [Бондаренко, 2019, 159]). Ощувив на себе весь ужас допросов и тюремных испытаний, он понимал, что любой может сломаться под ними (см.: [Бондаренко, 2019, 158]).

Срок следствия неоднократно продлевался. В соответствующих постановлениях говорилось, что будущий архимандрит частично признает свою вину и для «вскрытия всей вражеской деятельности КРЕСТЬЯНКИНА выявления его преступных связей» необходимо продолжать допросы (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 81–84).

Предварительное следствие было завершено 10 августа 1950 г., о чем свидетельствует соответствующий протокол (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 90). В обвинительном заключении о. Иоанну значилось: «Будучи враждебно настроенным к советскому строю, проводил антисоветскую агитацию. Клеветнически отзывался о государственном строе, обрабатывал советских граждан в реакционном направлении» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 94). В качестве фактов его противозаконных действий обозначено следующее: 1) «В 1949–1950 гг. неоднократно с церковного амвона произносил публичные исповеди и проповеди, в которых клеветал на государственный строй в СССР и на советскую действительность»; 2) «Выдавая себя за „прозорливого“ и „исцелителя“ КРЕСТЬЯНКИН группировал вокруг себя верующих и особенно молодежь, которых обрабатывал в реакционном направлении и призывал их не посещать собраний, кино, театров и не вступать в ряды ВЛКСМ» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 93).

Все это строилось на основании показаний трех свидетелей, а также на признании священником за собой высказываний, обличающих нравственное состояние общества и безбожие.

Следствием было предложено наказание в виде семи лет исправительно-трудовых лагерей. К делу была также приложена справка из санчасти Лефортова, согласно которой обвиняемый «практически здоров, к физическому труду годен» (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 91).

Согласно выписке из протокола Особого совещания при министре государственной безопасности СССР от 6 сентября 1950 г. о. Иоанн был приговорен к семи годам исправительных лагерей с учетом проведенного в заключении времени с момента ареста, то есть с 29 апреля 1950 г. (ЦА ФСБ. Следственное дело № 3705. Л. 98).

Таким образом, рассмотренные архивные материалы позволяют говорить о характере гонений, начавшихся в середине XX в.: в кон. 1940-х — нач. 1950-х гг. В отличие от церковной политики Советского государства 1920–1930-х гг., в послевоенное время атеистическая идеология принимает менее радикальный характер.

Теперь деятельность партии направлена на латентное разрушение Русской Церкви через ограничение ее публичной деятельности, введение жесткого налогообложения и т. д. Сам же церковный институт власти начинают рассматривать как один из возможных инструментов для достижения своих целей и укрепления советского влияния в странах Восточного блока.

Наиболее же активное духовенство, представляющее, по мнению органов государственной безопасности, угрозу для утверждения советской идеологии, подвергается арестам и отправке в трудовые лагеря и на поселения. Прежде всего под удар попадают священнослужители, которые не ограничивались совершением богослужений, а уделяли особое внимание проповеди и катехизации.

Обо всем этом красноречиво свидетельствуют протоколы допросов о. Иоанна и предъявленные ему обвинения. Последние были абсолютно необоснованными и относящимися к антисоветской пропаганде лишь косвенно. Так, следователем неоднократно упоминаются факты окормления будущим старцем подростков и молодых людей, совершения над ними таинства Крещения и приобщения к православной вере. Доказательной базой служили лживые показания свидетелей, растолкованные в нужном ключе следствием.

Несмотря на давление и все невзгоды заключения, о. Иоанн не пошел на сделку с органами госбезопасности и не предал ни одного священнослужителя или верующего

мирянина, не отрицая своей активной пастырской деятельности и желания обратиться к православной вере своих современников. Священнослужитель провел в тюрьме и лагерях практически пять лет исключительно за призывы к исполнению евангельских заповедей, обличение пороков того времени и твердое следование своим убеждениям, никаким образом не связанным с политикой.

Источники и литература

Источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2017. 1328 с.
2. Иоанн Златоуст (1991) — *Иоанн Златоуст, свят.* Шесть слов о священстве // *Иоанн Златоуст, свят.* Полное собрание творений. М., 1991. Т. 1. Кн. 2. С. 403–484.
3. ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности. Следственное дело № 3705. 118 л.

Литература

4. Бондаренко (2019) — *Бондаренко В. В.* Отец Иоанн (Крестьянкин). М., 2019. 480 с.
5. Васильева (2001) — *Васильева О. Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001. 216 с.
6. Оценка статистики гонений — Оценка статистики гонений на Русскую Православную Церковь (1917–1952 годы). URL: <http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/nmstat4.html?ans> (дата обращения: 10.02.2023).
7. Полюбите любовь (2015) — Полюбите любовь. Воспоминания о духовном отце — архимандрите Иоанне (Крестьянкине). Свято-Успенский Псково-Печерский м-рь, 2015. 440 с.
8. Правдолюбов (2010) — *Правдолюбов С., прот.* Иоанн (Крестьянкин Иван Михайлович) // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 413–415.
9. Следственное дело архим. Иоанна (Крестьянкина). Ч. 1 — Следственное дело архимандрита Иоанна Крестьянкина. Ч. 1. Арест и следствие. URL: <https://pravoslavie.ru/150738.html> (дата обращения: 08.02.2023).
10. Следственное дело архим. Иоанна (Крестьянкина). Ч. 2 — Следственное дело архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Ч. 2. Каргопольлаг. URL: <https://pravoslavie.ru/150767.html> (дата обращения: 08.02.2023).
11. Смирнова (2006) — *Смирнова Т. С.* Память сердца. Материалы к биографии архимандрита Иоанна (Крестьянкина). Свято-Успенский Псково-Печерский м-рь, 2006. 328 с.
12. Тихон Шевкунов (2019) — *Тихон (Шевкунов), митр.* «Несвятые святые» и другие рассказы. М., 2019. 640 с.
13. Шкаровский (2000) — *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000. 400 с.